

ВАЛЕРИЙ КОЗЫРЕВ

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

· повесть · рассказы ·

Валерий Козырев

Билет в один конец (сборник)

«Э.РА»

2011

Козырев В.

Билет в один конец (сборник) / В. Козырев — «Э.РА», 2011

Когда ты здоров и полон сил, вряд ли ты задумываешься обо всем том, что совершаешь. Обошелся ли жестоко, обидел ли кого - сколько значения придает этому человек, торопящийся получить от жизни все?.. Другое дело, когда происходит нечто такое, что делит жизнь на «до» и «после»: когда появляется возможность переоценить каждый свой сделанный шаг и понять, что все время «до» жил так, словно весь мир создан специально для тебя. Теперь, «после», самое время задуматься - а для чего создан ты сам?..

© Козырев В., 2011

© Э.РА, 2011

Содержание

Валентин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валерий Козырев

Билет в один конец

*«Потому что тесны врата и узок путь,
ведущие в жизнь, и немногие находят их».*
Евангелие от Матфея: 7-14

Валентин

Пила была отличная, новая модель «Урал-5». Валентин сам недавно получил её со склада. Произвёл «обкатку» согласно приложенной к ней инструкции, хотя раньше этих самых инструкций даже не читал; но уж больно понравилась ему эта бензиновая красавица, выкрашенная в рыжий цвет. И она, как бы в благодарность, вела себя примерно – заводилась с пол-оборота, работала чуть слышно и даже на полной мощности не резала слух.

Работа Валентину нравилась: одна из самых мужественных профессий в мире – вальщик леса; к валке деревьев он не относился как к истреблению живой природы: всему на свете есть предел. Если дерево перезреет на корню, то потеряет свою ценность. Природу и стихию Валентин полюбил с детства. Отец, заядлый рыболов и грибник, с раннего возраста брал его с собой на реку и в лес. Поэтому когда стал вопрос о выборе профессии, он не раздумывал долго и поступил в лесной техникум. После техникума – служба в армии, за двумя границами от родного дома, в годы самого разгара холодной войны рядом со страной, являющейся потенциальным противником. Изматывающие танковые учения, дозоры, наряды. Два года испытаний на прочность духа, два года хорошей жизненной школы. После армии – промысловый флот. Дружная команда, тяжелая и небезопасная рыбацкая работа, шторма, вахты, подвахты. Это были ещё последующие два года – насыщенные, захватывающие, полные острых ощущений. Но если у тебя нет определенных жизненных целей, то зачастую сворачиваешь на лёгкую, заманчивую, – так как есть в этом нечто запретное и оттого влекущее, уже многими проторенную дорогу. Это – беспробудная, после трёхмесячного пребывания в море, пьянка на берегу, вперемешку со всевозможными приключениями, которыми так богаты портовые города.

Потом тяжёлые отходняки, когда деньги уже пропиты и растрочены на приветливых ресторанных девиц, и в душе, разламывая голову, помещается лишь одно желание – где-нибудь опохмелиться. Затем снова промысел и – снова берег с уже предсказуемым исходом. Двигаться в этом направлении и дальше – означало разделить судьбу тех, кто уже прошёл по этому пути до него, и в не столь отдалённом будущем быть списанным с флота за неоднократное опоздание на отход траулера. Затем устроиться в другой флот, которых на улице под названием Траловая, змеей огибающей рыбный порт, было с десятков. Но, перемещаясь по накатанной вниз, вскоре быть уволенным и оттуда. И, в конце концов, стать бичом, сшибающим деньги у знакомых, с которыми некогда делил тяжёлые рыбацкие будни.

Уволился Валентин по собственному желанию. Покинул портовый город, который так полюбил за эти годы, и уехал на Урал. Но места себе не находил. По ночам снился порт, друзья, море... Говорят, море обладает чарующей силой. Валентин теперь как никогда понимал ребят, которые уволились с флота по разным причинам, а вскоре он уже вновь встречал их у конторы промысловой базы. Но жизнь закрутила так, что он не вернулся в портовый город, а уехал в далёкий северный край. Когда Валентин оказался на делянке и окунулся в жизнь лесоповала, то каждой клеточкой своего естества ощутил, что возвратился в свою стихию: тайга без конца и без края, нелёгкий труд лесоповала и слегка волнующее чувство опасности, придающее работе особый, ни с чем не сравнимый колорит.

* * *

Вальщики в бригаде работали без помощников, с одной стороны это была экономия денег, а с другой – помощниками обычно ставили новичков, и проку от них всё равно было мало. Да и под лесину, не ровен час, могли попасть. Поэтому всю экипировку приходилось таскать самому. Пила, канистра с бензином, цепи, обычно перекинутые через грудь – как пулёмётные ленты на картинах о гражданской войне. Снег местами выше колен.

На делянке оставалось совсем немного деревьев, впереди вырубка и за ней, вдалеке, темно-синяя полоса елового леса. Хотелось остановиться, сделать перекур. Но он решил, что лучше допилить. Подошёл к лесине, посмотрел вверх, отколупнул кору. Так и есть – сухая. Пилить сухую лиственницу – значит сразу же посадить цепь. Сухая лиственница – всё равно, что высохшая кость. Валентин решил, что пилить её не станет, а собьёт другой лесиной. Так поступил бы любой, имеющий чуточку опыта и склонный к безбашенным поступкам вальщик, ибо сия забава считалась грубейшим нарушением техники безопасности – сбиваемая лесина могла повести себя совершенно непредсказуемо. И история лесоповала знает немало примеров, когда именно в таких случаях вальщик получал тяжёлые травмы, да и не только травмы.

Падающая лесина задела сухостой только ветками, отчего тот покачнулся, но остался на корню. Валентин в сердцах сплюнул и направился к другому дереву, а сухая лесина, чуть отклонившись от удара веток, стала выпрямляться и, выпрямившись, по инерции пошла вперёд. Подломившись у гнилого корня, она рухнула на удаляющегося лесоруба. Кромка леса, синее небо, облака – всё вдруг перевернулось. И – как вспышка, последняя, нелепая мысль: «Вот это я напился».

* * *

Сколько он пролежал Валентин не помнил. С трудом открыл глаза и словно сквозь мутную красноватую пелену увидел ноги под верхушкой упавшего дерева. Потрогал лицо – кровь была ещё тёплая. «Значит, лежу недолго, не успела замерзнуть, – голова была на удивление ясной, – лежать на земле при минус тридцати долго не протяну, а искать меня начнут только после обеда...» Услышал, что где-то невдалеке работает трелёвочный трактор.

Собравшись с силами, сел. Пила лежала рядом, шина, на которую была надета новая цепь, упиралась в бок. Отрегулированная по особым правилам лесорубов она заглохла, лишь только выскользнула из рук – иначе перерезала бы пополам. Он попытался помахать рукой – не получилось. Тело было непослушным, чужим и он завалился набок. Когда вновь удалось сесть, увидел, что ребята сами, размахивая руками, бегут к нему. Первым подбежал тракторист. Он что-то кричал, из глаз его катились слёзы. Валентин понял, что произошло что-то страшное. Ему не хотелось выглядеть слабым и жалким и очень не хотелось умирать в свои двадцать пять лет. Потом появилась боль

– страшная, рвущая тело, поглощающая мысли, и что-то тёмное, неумолимо надвигаясь, стало гасить сознание. Это было самым страшным из того, что он когда-либо переживал в жизни. И на грани бессознательности, ощущая всю эту боль, он простонал, обращаясь к трактористу:

– Глаз, слышь, будь другом, добей, а...

И – провалился в тягучее черное небытие.

Первое, что Валентин услышал, когда пришёл в сознание – это как плачет его друг Женька. Тот дёргал его за рукав телогрейки и сквозь слёзы умолял:

– Валентин, не умирай! Слышь, не умирай! Мы же договорились, что в кабак пойдём... Слышь, Валентин, не умирай, слышь... мы ещё погуляем...

Затем он почувствовал, как ему в нос залили нашатырный спирт. Сознание окончательно вернулось к нему. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним тракториста Глазкова, которого в бригаде называли Глаз; в руках у того был пузырёк с нашатырным спиртом, в котором не хватало доброй половины. Валентин понял, что другую половину только что закатали ему в нос. Отборный флотский мат накрыл тракториста. Тот с облегчением вдохнул:

– Ну, всё, отошёл братка, теперь-то уж точно жить будет.

Ноги не двигались, несмотря на то, что лесину перепилили и убрали. Тело от груди и ниже было не своим, бесчувственным. Но была надежда, что это скоро пройдёт, что это просто какая-то случайность, дикое недоразумение. Валентин ещё не знал, что в его жизни произошла тяжелая трагедия. И, сидя на снегу, размазывая по лицу кровь, нашатырный спирт и снег, он входил в новую, полную трудностей и больше душевной, чем физической боли, жизнь...

Бригадир был опытный, бывалый лесоруб. Срубили две жерди, связали ремнями, на ремни положили Валентина, донесли до трактора и вместе с носилками положили на задний щит. Сами, придерживая носилки, сели по краям. Трактор медленно двинулся по вырубке к зимовью.

* * *

Весь последний год Валентин жил в каком-то странном ожидании. Это не было предчувствием чего-то нового, что несёт в себе обычно радость, надежду, а скорее – ожиданием неизвестного; пугающее чувство неумолимо надвигающейся и пока ещё никак себя не обнаруживающей, отчего состояние было ещё более гнетущим, опасности. Объяснение этому у него было только одно: то, что он чувствует – это следствие того, как он живет. И после очередной недельной попойки, когда ему было особенно тяжело и тошно, решил окончательно порвать с такой жизнью.

Нарколога долго не было, сидеть и ждать его среди серых, трясущихся, измождённых алкоголем личностей было не очень-то приятно. Наконец подошла смуглая симпатичная медсестра. Открывая кабинет, она обернулась к Валентину и почему-то спросила:

– Вы к наркологу?

– Да, – ответил Валентин.

Глаза их встретились и остановились чуть дольше, чем это было обусловлено ситуацией «вопрос – ответ». Следом за ней в кабинет вошёл и нарколог.

– Ну, молодой человек, с чем пожаловали? – спросил нарколог, лишь только Валентин присел за стол напротив него.

Валентин вкратце рассказал о своих проблемах и желании бросить пить. Доктор по фамилии Барков, мужчина средних лет с округлым, приятным лицом, пронизательным, живым взглядом серых глаз и аккуратно подстриженной небольшой бородкой, выдержав небольшую паузу, спросил, употребляет ли он спиртосодержащие жидкости, например: денатурат, стеклоочиститель и прочее. Валентин вспомнил, как прошлым летом, в скверике, двое мужиков распивали какую-то синюю жидкость из красивой высокой бутылки. Он спросил бывших с ним: «Что это за коньяк такой синего цвета?» И те посмеялись над ним, обозвали деревом и разъяснили, что это – стеклоочиститель, в простонародье называемый «стеклорез», излюбленный напиток бичей и падших алканавтов. Валентин тогда почувствовал, как мурашки пошли по его спине.

– Нет, – поспешил ответить он наркологу.

– Вы женаты? – вновь спросил врач.

– Нет.

– Ваше желание – это только ваше желание, а не чьё-то давление?

– Да, моё.

– Ну, что ж, это похвально, – сказал нарколог. – В основном результат лечения зависит от желания пациента. Но я должен вам сказать, что состояние угнетенной психики, то есть души, не всегда только результат употребления алкоголя или же последствий его употребления. Восприятие окружающей действительности человеком, также как и её воздействие на него, зачастую имеет социо-психологическую основу. – Нарколог откинулся на спинку стула и продолжил: – И в некоторых случаях, я полагаю, разумно, наряду с прохождением курса наркологического лечения, также пройти собеседование с психиатром. И если вы согласны, я выпишу направление.

– Нет, спасибо, – отказался Валентин и уловил на себе скользкий, слегка насмешливый взгляд медсестры, что-то записывающей в журнал за соседним столом. Отметка у предложенного ему врача была подобна справке об освобождении из колонии – даже на работу, с такой пометкой в медкнижке, брали не на всякую. Ему вспомнился чуть ли не плачущий парень, которому зарубили медицинскую комиссию на флот лишь потому, что он, страдая бессонницей, когда-то обращался к психиатру.

– Ну, нет, так нет, дело ваше, – сказал нарколог и протянул ему несколько бумажных листов. – Ознакомьтесь вот с этими документами и поставьте под каждым свою подпись. Это будет означать, что вы желаете лечиться добровольно и знаете, что в период лечения употребление даже слабых алкогольных напитков опасно для вашего здоровья. Последствия могут быть весьма печальными – вы можете умереть.

Валентин подписал бумаги, пообещал прийти и поспешно вышел из больницы. На остановке, дожидаясь автобуса, сел на скамейку. Достал из кармана бланки для сдачи анализов, направление на общее обследование к терапевту, скомкал и бросил в мусорный ящик. Он словно прозрел во время разговора с наркологом – ему плохо не от того, что он пьёт, он пьёт от того, что ему плохо. И это «плохо» сидит в нём так глубоко, что это ничем не истребить.

* * *

Валентин хорошо помнит то Пасхальное воскресенье. Говорят, что в этот день когда-то воскрес Иисус Христос, чьё изображение на иконах он видел в домах своих друзей, у которых были престарелые бабушки. Иисуса зачем-то распяли на кресте, и будто бы кто поверит

в Него, тот попадёт в Рай. Конечно же, он хорошо помнит это воскресенье, помнит талый снег, обильно пропитанный кровью. Помнит Фёдора, которого ударом кулака сбил на землю, и как затем того добивала ногами пьяная компания. Рассказывали, что дома Фёдора долго не узнавал его трёхлетний сынишка. На следующий день, утром, Валентин стоял в лесочке, где они вчера оставили истекающего кровью Фёдора, и видел, как две бездомные собаки лизали промёрзший, бурый от крови снег, и страх медленно вползал ему в душу. Страх не оттого, что избили человека. По тем правилам, по которым он жил, это было просто справедливым возмездием за оскорбление. Страх был перед чем-то другим, ему неведомым. Он слышал от Георгия, – недавно устроившегося на пилораму мужика, что Иисуса сильно били и унижали, а только потом – распяли. Георгий читает какую-то толстую книгу, и те, кто работал с ним, говорили, что это Библия. И ещё Георгий говорил, что Иисуса распяли безвинно. Валентин стоял в лесочке и курил. Почему-то стало вспоминаться всё плохое, что он сделал за последнее время. Два года назад пришло известие, что убили его друга Серёгу. Убили подлю, ударом топора сзади. Валентин подспудно ожидал чего-то похожего, но только не от людей, а от самой жизни.

* * *

Когда Валентин ходил по улицам, он видел счастливые пары – влюблённых. Он видел их сияющие влюбленные глаза, радостные улыбки и думал, что, наверное, в этом и есть земное счастье. Женился он в сентябре, на красивой девушке с романтическим именем Елизавета. Месяц после свадьбы провели в отпуске. Это были чудесные дни, возможно – самые лучшие в его жизни. Но в одно прекрасное утро, когда он лежал, уже проснувшись, а Лиза ещё спала, он вдруг понял: красивая жена, которую он любит, это, несомненно, счастье. Но всё, что он переживал когда-то в лесочке, вернулось к нему вновь, вернее – оно никуда и не уходило, просто глубоко затаилось на время...

* * *

Андрей долго стучал в дверь. До глубокой ночи Валентин занимался ремонтом в своём доме – хотел успеть доделать за последние дни отпуска, поэтому решил поспать подольше. Но по настойчивому стуку понял – что-то серьезное. Андрей сказал, что бригада отправляется в тайгу и бригадир попросил его поехать с ними. Выезжать нужно следующим утром. Шестьдесят километров по лесовозной дороге. Первую бутылку распили ещё в городе. В работу смогли втянуться только на третий день. В работу, которую никто не меряет часами, а только световым днём – от рассвета до заката.

* * *

Валентин лежал на щите трелёвщика, над ним было высокое, пронзительно синее небо, такое небо бывает только на севере, поздней осенью. Он не чувствовал резких толчков, когда трактор наезжал на пни и валежины. Ему казалось, что он лежит на носу рыболовецкого траулера, который плавно идёт по волнам. Уже не было боли, только тупое безразличие и что-то ещё... Валентин не сразу понял, что нет страха, нет ожидания того страшного, что всегда преследовало его. И едва заметная улыбка появилась на его лице.

* * *

Зимовье было большим и совсем не походило на разбросанные в тайге по берегам небольших речушек и ключей маленькие охотничьи избушки, которые невольно возникают в воображении, когда слышишь это название. Большая фанерная вывеска над дверью, которую в прошлом сезоне нарисовал невесть откуда появившийся, спившийся художник, гласила, что это отель «Кентавры». По краям вывески были нарисованы два кентавра, обращённые лицами друг к другу. В одной половине зимовья – нары с проходом посередине, на которых свободно умещалась вся бригада. Спать на том, что выдавали на работе – толстые матрасы и тонкие солдатские одеяла, было невозможно. У бригадира с заведующей складом были какие-то особо тёплые отношения, поэтому бригада имела спальные мешки и всё прочее, что необходимо для нормальной жизни в лесу. В другой половине зимовья – кухня, печь и большой обеденный стол, сколоченный из толстых струганных досок, над которым красовалась сделанная всё тем же художником надпись: «Ешь – потей, работай – мёрзни».

Валентина осторожно сняли с носилок и положили на нары. Глаз и Женька сразу же засобирались на тракторе к близлежащей дороге, до которой, если ехать прямо по тайге, было около двадцати километров. Бригадир снял со стены двустолку, патронташ и дал Женьке, – недавно в тайге видели следы медведя-шатуна. Остальные пошли устраивать место для посадки вертолёта: расчищать площадку и готовить сигнальные костры. Теперь всё зависело от того, пробьется Глаз напрямую к дороге, или же завалиться в какую-нибудь засыпанную снегом ямину, из которой трактор уже не сможет выбраться. Валентин лежал на нарах, безучастный и отдалённый от всего, что происходило вокруг. Так с ним было в далёком детстве, когда он заболел и у него по всему телу пошли красные пятна, – тогда он тоже видел себя и других как бы со стороны. Сейчас он видел себя лежащим на нарах, видел ребят, которые подходили, внимательно всматривались в него, задавали какие-то вопросы но, не получив ответа, отходили. Видел повара с перепуганным белым лицом, боявшегося приблизиться к нему. В душе была пустота. Валентин только смотрел и ни о чём не думал. Стемнело. Вернулся на тракторе Женька, рассказал, что до дороги добрались без особых проблем, и что две машины не остановились, а остановить третью удалось только тогда, когда дорогу перегородили трактором, и что Глаз уехал в город, чтобы вернуться уже с помощью.

* * *

Единственный вертолёт, бывший в санитарной авиации, улетел в какое-то оленеводческое стойбище, где в пьяной драке один эвенк пырнул ножом другого, но зато приехала санитарная машина – пробилась к зимовью по лесовозной дороге. Молодой доктор, слегка покалывая иголкой от шприца, проверял тело Валентина на чувствительность. Ниже груди тело было бесчувственным. Врач с наигранным оптимизмом сказал:

– Ну, думаю, всё не так уж и плохо. Вполне возможно – это просто временный болевой шок. Сейчас главное

– добраться до больницы, дорога неважная... А пока всё, чем я могу помочь – это колоть обезболивающие.

Валентин смутно помнит этот путь. Помнит, что ехали бесконечно долго. Помнит, как особенно сильно трянуло на одном из ухабов. И боль, как большая острая игла, пронзила всё тело насквозь, но, благодаря обезболивающему уколу, быстро ушла. Потом по разговорам он понял, что они хотели сократить путь и сбились с дороги, но, оглушённый наркотиком, уже не мог реагировать на какую-либо информацию. Просто, очень хотелось спать.

* * *

Необыкновенно жаркий день, солнце замерло почти в зените, вдоль реки, – насколько можно видеть, голый песчаный берег. Его выдавшая виды моторная лодка мчится против течения на удивление быстро. Река, знакомая с детства, многоводна и покрыта бурунами небольших волн, которые, разбиваясь о нос лодки, брызгами освежают лицо и грудь. Очень хочется пить. Валентин пытается поймать брызги ртом. От жажды запеклись губы, пить хочется всё сильнее и сильнее. Он черпает ладошкой бурлящую у борта воду, но вода исчезает, едва он подносит ладонь к лицу; он делает ещё попытку, но опять лишь горячая ладонь касается губ. Он вновь черпает ладонью воду и – просыпается. Сразу же вспомнилось всё, что произошло с ним вчера. Ему отчаянно не хотелось встречаться с ужасающей действительностью, хотелось ущипнуть себя и проснуться в другой реальности, в той, где мчишься по реке на моторной лодке.

* * *

Первое, что он увидел, когда открыл глаза – это ослепительно белый потолок. Наверное, таким он показался ему потому, что в последние дни, просыпаясь, Валентин видел над собой серые, в трещинах, некрашенные доски зимовья. Потолок казался высоким, комната – огромной, хотя впоследствии оказалось, что это довольно тесная палата на двоих. Он хотел повернуться и привстать, но смог лишь слабо шевельнуться – тело не подчинялось ему и оставалось таким же чужим. К нему подошла медсестра и спросила, не хочет ли он пить. Медицинский аппарат из металла, обтянутого кожей, фиксировал шею и голову Валентина с такой силой, что он смог только едва кивнуть головой. Медсестра протёрла ему губы смоченным в воде бинтом, затем через трубочку дала попить из стакана.

* * *

В дверь палаты осторожно постучали, и почему-то Валентин понял, что это Лиза. Она зашла очень тихо и робко и присела на табурет рядом с кроватью. Ему вспомнилось всё, о чём они мечтали, думали, какие строили планы. Валентин ещё не знал, что у него серьёзная травма шейного позвонка, но почему-то знал, что тому, о чём они с ней мечтали, уже никогда не бывать. Он смотрел на жену и чувствовал себя виноватым, как если бы пообещал ей что-то серьёзное и не смог выполнить.

– Прости, Лиза, мне просто не повезло, – единственное, что нашелся он сказать ей.

Валентин не верил в женскую верность, многие примеры, которые ему приходилось видеть в жизни, говорили сами за себя. И он был готов к тому, что Лиза уйдёт, и заранее не винил её в этом, считая виновным только себя. Но он ещё не знал, что его, такая хрупкая на вид жена, окажется способна на подвиг. Он ещё не знал, что рядом с его кроватью она поставит медицинский топчан, и будет жить с ним в палате шесть месяцев, и потом они вместе полетят на самолете в областной город, в больницу, куда его переведут, и там она будет рядом с ним ещё три месяца. Но это будет уже не двухместная палата, а палата, где будет лежать восемь мужчин. Палату эту в больнице прозвали «лазарет». И было не редкостью, когда из её дверей на каталке вывозили кого-то, с головой накрытого простынёй. В этой палате смерть была обычным явлением.

* * *

Нос совершенно не дышал. Валентин даже не представлял, что дышать ртом так трудно. Пришёл доктор, закапал в нос какое-то лекарство, через минуту дышать стало легко и свободно. Валентин не знал, что это были обыкновенные капли для носа, так как болел редко и лекарствами почти не пользовался. Поэтому, почувствовав такой скорый эффект, проникся к медицине чувством глубокого уважения. Которое, впрочем, вскоре сменилось полным в ней разочарованием, а затем и пониманием – медицина не всесильна, и положительный результат в тяжелых случаях чаще зависит от жизнестойкости организма больного и его желания победить недуг. И если это есть, человек, скорее всего, выкарабкается; нет – склеит ласты.

К нему быстро возвращались хорошее настроение и оптимизм, хотя причин для этого было мало. Просто желание жить брало верх над всяческими обстоятельствами. Лиза не отходила от него, они смеялись, шутили, и к Валентину пришла вера в быстрое выздоровление. Даже бригадиру сказал, чтобы его пилу никто не трогал, потому что он сам скоро вернётся в бригаду. Приходили друзья, знакомые, родственники, – так много, что всех даже не пускали. А медсестры говорили, что он самый популярный больной года. На Новый год ребята принесли из тайги две Саянские голубые ели. Одну установили в больничном фойе, вторую – у него в палате. Запах оттаявшей хвои терпкой свежестью наполнил комнату. Вместе с ёлкой пришли и воспоминания. Вспомнилась одна из Новогодних ночей, и как он с друзьями почти до утра катался с ледяной горки и, упав, разбил губу; а на работе никто не поверил, что он просто упал, катаясь с горки.

И мужики, понимая улыбаясь, предлагали для лечения какое-нибудь эффективное, уже не раз испытанное средство. Ещё вспомнилась Новогодняя ночь на промысле. Тогда был полный штиль и зеркальная гладь ночного моря, что далеко вокруг озарялась светом сигнальных ракет, которые они запускали с палубы траулера в честь праздника.

* * *

Заключение врачей прозвучало для него, как приговор: «Жить будет, ходить – никогда». Это подчистую вышибло то основание, на котором сейчас держалась вся его жизнь. Это убило надежду. Надежда помогала ему верить, и вот её не стало. Известно, что всякая пустота заполняется, и место где жила надежда, очень быстро заполнило отчаяние. И когда истлела последняя искра веры, Валентин решил, что если уж так, то лучше не жить совсем. Так было даже проще. Когда находишь какое-то решение, всегда проще. И теперь уже ничто не волновало его, желание умереть пришло очень быстро. Катиться вниз всегда легче. И только когда в палату с улицы, румяная от мороза, входила Лиза, какое-то подобие улыбки появлялось на его лице. Одновременно с нежеланием жить пришли и пролежни – это когда у тяжелобольных людей части тела, которые соприкасаются с постелью, отмирают потому, что нарушается кровообращение, а затем начинают гнить с неприятным запахом. После них на теле, в лучшем случае, остаются ямы, затянутые тонкой кожей: в худшем – они не заживают всю оставшуюся жизнь; в ещё более худшем – люди постепенно превращаются в загнивающий живой труп, а потом умирают. Валентин тешил себя мыслью, что всё это наконец-то скоро закончится. Все, кто посещал его, приходили всё реже и реже. И через некоторое время рядом осталась одна только Лиза. Валентин видел – всё идёт к логическому завершению.

* * *

Иногда он лежал и мечтал: вот он здоровый и полный сил идёт по улице, навстречу – Лиза. Он как когда-то подхватывает её за талию и вместе с ней кружится по тротуару. Они радуются, смеются и им, как и прежде, очень весело. Так он мог мечтать часами, не шевелясь и не подавая признаков жизни. Всё, что у него теперь осталось – это возможность мечтать. И он мечтал. Если в это время в палату кто-то входил, это раздражало и ему хотелось как можно скорее остаться одному, чтобы опять удалиться в свои фантастические грёзы. В тот день, когда в палату зашли двое врачей, мужчина и женщина, он также лежал, не подавая признаков жизни; в том состоянии, когда мозг ещё работает и в голове необыкновенная ясность, но тело уже близко к смерти. И, наверное, решив, что он не слышит, или ей было всё равно – слышит он её или нет, женщина стала говорить громко и откровенно. Она смерила давление.

– Семьдесят на сорок. Долго он не протянет, его нужно срочно перевести в больницу, к которой он приписан по месту жительства. Нам тут лишняя смертность не нужна! – сказала она голосом, который бы очень подошел судье, оглашающей смертный приговор.

Мужчина, назвав её по имени-отчеству, предложил провести ещё один курс общеукрепляющей терапии.

– Лекарства уже не помогут, – резко возразила женщина и, дав распоряжение о переводе, цокая каблуками, вышла из палаты.

– Держись, парень, чудеса в жизни случаются, – сказал мужчина, догадываясь, что Валентин слышит его. И тоже покинул палату.

Но Валентина не перевели умирать в другую больницу. На следующий день главного врача пригласили к телефону, и кто-то «сверху» приказал срочно отправить его в область. Валентин знал, что мама Лизы, – его тёща, уже не один месяц обивает пороги высокого начальства с такой просьбой. Утром следующего дня его на санитарных носилках пристроили в самолете, летевшим рейсом в областной город. Рядом в кресле сидела Лиза.

* * *

Валентин любил осень, любил пройтись поздним осенним вечером по тёмным улицам беспокойного уральского города. Казалось, сам воздух осенних ночей таит в себе бесшабашную удаль. Но этим вечером уверенность, казалось, покинула его. Чувство предстоящей опасности хоть и будоражило кровь, но в глубине души холодящей ледышкой гнезвился страх. Рядом с ним шёл Виталик – невысокий, худощавый паренек лет девятнадцати. Дом, к которому они шли, стоял на окраине города, в частном секторе; был он добротен, обшит досками и выкрашен в зелёный цвет. Первый раз в своей жизни Валентин шёл на кражу, и шёл не ради наживы, а, скорее, чтобы доказать, и прежде всего самому себе, что способен на безумный поступок; да и с хозяином этого дома у него были свои, давние счёты, и он уже давно вынашивал в себе желание наказать его. Летом, в городской зоне отдыха, Валентина побили, побили второй раз в жизни. Первый – в армии, когда его рота, поужинав, вышла из столовой, а Валентин задержался, разговорившись с земляком из соседнего батальона. И когда, спеша, выбежал из зала, в коридоре столовой увидел, как парня из его роты окружили ребята из роты обслуживания и, уже ударив пару раз, пустили из носа кровь. Валентин увидел перепуганные, полные отчаяния глаза сослуживца, и тогда всё стало происходить, как в замедленном кино. Он оттолкнул одного, ударил второго, ещё одного, краем глаза увидел, что первый после удара упал, затем успел достать ещё одного ногой... Кто-то обхватил его сзади рукой за горло, он изо всех сил ударил назад затылком, услышал, как что-то хрястнуло, и хватка ослабла. Обернувшись, Валентин увидел смуглого нерусского парня, который согнулся и схватился руками

за лицо – сквозь его пальцы медленно просачивалась кровь. И тут что-то тяжёлое обрушилось Валентину на голову и он почувствовал, как медленно проваливается в вязкую черноту. Ворвавшиеся в коридор ребята из его роты раскидали всех, кто там был, но он уже успел получить с десятков ударов тяжёлыми солдатскими сапогами. Потом была санчасть, после санчасти ещё пару месяцев при беге боль отдавала в позвоночник. Потом всё прошло, только на голове остался слегка изогнутый, розоватый шрам от медной солдатской пряжки. В зоне отдыха всё было не так страшно – разбитый нос, синяк под глазом, вывихнутый палец на руке. А ведь всё было так хорошо, ничто не предвещало неприятностей: ярко светило полуденное солнце, опухолью освежал лицо слабенький ветерок. Валентин мирно сидел на скамейке и, покуривая «Мальборо», дожидался ушедших за пивом приятелей. И надо же было случиться, что напротив него стала разворачиваться следующая картина: толстоватый невысокий цыган подошел к высокому худосочному юнцу лет эдак двадцати, щеголявшему в модных солнцезащитных очках «Хамелеон», и, вероятно, попросил посмотреть их, так как юнец очки снял и безропотно протянул цыгану. Тот повертел «Хамелеончики» в руках и кинул их другому, стоявшему чуть поодаль, помоложе. Тот поймал очки на лету и передал чернявому подростку крутившемуся рядом, ну а того только и видели. Хозяин очков схватил цыгана за грудки, тот его, и они принялись таскать друг друга, как борцы на помосте. Цыган изловчился и ударом снизу в челюсть опрокинул соперника навзничь, и если бы он не стал добивать того ногами, Валентин вряд ли вмешался бы. Драка была вполне нормальная, даже можно сказать – честная; а то, что у юнца очки увели, так это он сам лоханулся. Тем более что его он знал и сострадания к нему особого не испытывал – тот был фарцовщиком самого низкого пошиба, торговал в зоне отдыха всякой импортной мелочью. Да и очки-то, наверное, дал цыгану в надежде, что их купят. Валентин не имел никакого желания затевать драку с представителем этого буйного племени, хотел просто оттащить толстяка, и всё. Но тот уже вошел в раж и хлестко ударил его по лицу – Валентин ответил тем же. Пока они таким образом обменивались любезностями, подоспели соплеменники толстяка, так как народ этот дружный и в одиночку ходит редко. Фарцовщик же, увидев сбегающий кочевой люд, трусливо сбежал. Драки, собственно, и не было. Валентина просто избили. Выручили проезжавшие мимо на патрульной машине милиционеры. Цыганам милиционеры посоветовали разойтись, а его отвезли в городской травмпункт. С этого дня и затаилась в нём злость на этого фарцовщика – вдвоем-то они хоть как-то смогли бы отбиться.

Фарцовщик жил вместе с родителями, слывшими в городе кончеными барыгами: торговали самогоном и по ночам, вдвое дороже, водкой. Вот к их-то дому и шли поздним вечером Валентин и Виталик, точно зная, что хозяева уехали к родственникам в деревню. Забор и ворота были под стать дому: высокие и надёжные. Но никто и не думал их ломать. Валентин резко выдохнул и побежал к высокому и гладкому забору так, словно хотел с разбега удариться в него. Но перед самым забором подпрыгнул, чуть повернувшись к нему левым боком и выставив вперёд ногу. Нога коснулась забора, и рассчитанная сила разбега помогла ему легко перемахнуть, казалось бы, через неприступную ограду. (Этот приём до седьмого пота отрабатывали в армии на полосе препятствий, где самым сложным было преодоление «стенки» – высокой гладкой дощатой стены). В углу двора Валентин увидел незаметную снаружи калитку, отодвинул засов, и Виталий проскользнул внутрь.

Окно на кухню открылось на удивление легко. На кухне включили свет, в квартире взяли всё, что представляло ценность и могло вместиться в две большие сумки, которые нашлись на антресолях. Валентин выдвинул ящики кухонного стола – ложки, ножи и вилки были аккуратно разложены по отделениям в пластмассовой коробке. Он приподнял коробку – под ней лежали двадцатипятирублёвые купюры, это была уже удача. Крышка подполья находилась в зале. Спустились вниз. Посветив фонариком, Валентин нашел выключатель и включил свет. Вдоль стен тянулись полки, сплошь заставленные банками с соленьями. В дальнем углу, отгороженная досками, желтела гора картофеля. Он достал небольшой, заострённый на конце

стальной прут, который предусмотрительно взял с собой. Предположительно в подполье могли быть закопаны ценности, и он уже хотел исследовать прутom земляной пол, как его взгляд остановился на двух больших банках с прозрачной жидкостью.

Самогон пили на кухне. Валентин проснулся с чувством близкой опасности. В кухне было светло, светло было и на улице. Виталик, скрючившись, спал в углу деревянного дивана. Рядом с диваном стояла табуретка, на табуретке – два стакана и полбанки солёных огурцов; под табуреткой – пустая банка из под самогона. Вторая, полная, стояла чуть в стороне. В тяжёлой после самогона голове крутилась только одна мысль: «Ну, всё, хана – вляпались». Валентин понимал, что сейчас нужно успокоиться, взять себя в руки и, насколько это возможно, трезво оценить ситуацию. Уже минут через десять все места, где они по пьянке могли оставить пальцы, были протёрты. Нетронутую банку с самогоном Валентин уложил в сумку, растолкал Виталика, и они, прихватив сумки, скользнули на улицу через калитку. Это было обычное будничное утро с серым скучным рассветом, утро со своими заботами и проблемами промышленного города. От остановки натужно отрулил перегруженный автобус, заспанные люди спешили на работу. И, казалось, никто не обратил на них внимания.

* * *

Областной город находился намного южнее, и поэтому весна здесь была уже в самом разгаре. А там, откуда они прилетели, лишь только начал подтаивать снег. И в те несколько минут, когда Валентина от самолёта до санитарной машины несли на носилках, казалось, что живительная сила пробудившейся природы коснулась его своим теплом, разбредила душу и развеяла уже прочно устоявшееся равнодушие. Он улыбнулся. Улыбнулся впервые за несколько недель.

После современной клиники молодого, перспективного северного города, – клиники из стекла и бетона, с широкими коридорами, грузовыми лифтами и просторными фойе, больница, в которую его привезли, показалась ему бастионом: толстые стены, тесные коридоры, узенькие лестничные пролеты. Как и оказалось, это была бывшая казарма, которую некогда добротно отстроили пленные японцы. Потом здесь был военный госпиталь, который затем отдали под здание областной больницы. Люди в палате, куда его определили, лежали подолгу, поэтому атмосфера здесь была тёплая и доверительная. Недостатки характера друг друга всерьёз не воспринимались, а чаще делались поводом для безобидных шуток. В палате лежал молодой мужик из какой-то дальней деревни, по имени к нему никто не обращался, а все звали Самострел – на прозвище тот не обижался и откликался охотно. Не так давно он выстрелил в себя из ружья. Хотел, приставив ствол дробовика ниже подбородка, прострелить голову, но заряд оказался слабым и только оглушил его. Но удар дробью всё же оказал какое-то действие на шейный отдел позвоночника, в результате чего мужик теперь лежал неподвижно, только и мог, что разговаривать и слегка шевелить пальцами рук. На соседней с ним койке лежал парторг, скорее всего – одного из заурядных колхозов, так как парторги известных колхозов считались партийной элитой, и уровень медицинского обслуживания для них подразумевался другой, более высокий: спецклиники, спецкурорты и тому подобное. Весу в этом парторге было около ста двадцати килограммов.

В больнице он лежал из-за диких болей в пояснице. Возникали они внезапно и были такой силы, что его буквально швыряло в сторону. И вот, в один прекрасный вечер, все кто находился в палате стали свидетелями чудесного выздоровления Самострела. Парторг, как обычно согнувшись и придерживаясь рукой за поясницу, возвращался из больничного скверика. И когда он поравнялся с кроватью Самострела, его ударил очередной болевой приступ. Парторг дугой выгнулся назад, застыл в этой позе на некоторое время, и затем стал медленно, всей массой своего стодвадцатикилограммового тела падать на неподвижно лежащего Само-

стрела. И в тот самый миг, когда он должен был рухнуть и придавить бедолагу, возможно, тем самым прекратив все его дальнейшие мучения, тот вдруг дико заорал и, буквально за мгновение до того, как на него обвалился парторг, скатился с кровати. Врачи позднее объяснили, что для Самострела падение парторга стало сильнейшим нервным потрясением, иначе говоря – шоком, который и оживил парализованные до этого нервные окончания, в результате чего восстановилась связь между головным и спинным мозгом. С того вечера Самострел стал абсолютно здоров. Парторг в шутку требовал с него за исцеление хотя бы пол-литра водки, но Самострел в больнице вел образ жизни абсолютно трезвый, и на предложение обмыть выздоровление лишь улыбался и отрицательно покачивал головой. В палате предположили, что шок повлиял не только на нервные окончания, но и безнадежно повредил его мозг. Забирать Самострела из больницы приехала супруга – худенькая, измождённая жизнью и затяжными запоями мужа женщина. Самострел стрелялся не из-за того, что не видел иного выхода из какой-то сложной жизненной ситуации, а просто пил беспробудным русским классическим запоем, допил до белой горячки, начал видеть чертей и с перепугу пальнул в себя из старенькой одностволки. На выписку ему подарили чёртика, сплетённого из тонких гибких трубочек капельниц. Подарили со смыслом – чтобы, значит, не пил, а если и пил, то чертей не боялся – понимал, что они не настоящие.

Ещё в палате лежал мужик лет сорока, хотя выглядел он гораздо старше, вернее – старее. Звали его Василий. Первое время он вообще не мог говорить, а только мычал. Но где-то через неделю стал потихоньку разговаривать, сначала едва понятно, но с каждым днём всё лучше и лучше. И когда речь его стала вполне членораздельной он, слегка заикаясь, поведал такую вот историю: в деревне, по соседству с ним, жила женщина, год назад она убила своего мужа. Но суд вынес почти что оправдательный приговор. Ей дали всего лишь два года лишения свободы, причем – условно. Потому что муж её был садист и в пьяном виде, а в трезвом он почти и не бывал, избивал и всячески глумился над ней. И вот женщина, изуродованная и доведенная до крайней степени отчаяния многолетними побоями, взяла топор и отрубила ему голову, когда тот, после очередной расправы над ней, спал пьяный на полу.

– И сижу я, это значит, как-то утром около дома на лавочке, а с бодуница страшного. Руки трясутся, еле-еле закурить смог... Глядь, а тут она идет. – Василий обвел слушающих взглядом. – А меня, дурака, как чёрт за язык дернул, я возьми, да и спроси: – Глафира, мол, а Глафира, вот скажи мне, пожалуйста, как это ты живому человеку голову отрубить смогла? Вот я так, к примеру, даже курице голову отрубить не могу, а ты родному мужу башку оттяпала. Как это ты смогла, а?... А она палку с земли подняла: «А вот так!» Да как хлопыстнет меня ею по голове! – Василий вновь обвёл слушающих округлившимися глазами. – А у меня со страху речь возьми, да и отнимись.

– Он развел в стороны руками и сделал выражение лица «мол, нету».

Удар был несильный, а палка типа хворостины, которой гусей гоняют. Но от страха Василий онемел и не мог сказать больше ни слова, кроме одного, матерного. Того, которое он с перепугу выговаривал, покуда Глафира, – рослая, мосластая женщина с репутацией мужеубийцы, с палкой в руке подходила к нему. В деревне был только медпункт, где вечно пьяный, с красной от казенного спирта рожей фельдшер в халате некогда белого цвета выдавал на все симптомы одни и те же таблетки. Поэтому он никуда не обращался и ещё две недели ходил на работу. А работал он трактористом.

– Да все бы ничего, – сетовал Василий, – можно было бы и так жить, но уж больно обидно было, когда механик меня ругает, а я ничего ответить не могу, а только матерюсь, – с обескураживающим видом закончил он свое повествование.

Поначалу никто даже не догадывался, что он начисто лишен вразумительной речи. Когда же узнали, то силой усадили в председательский уазик и отвезли в областную больницу. Больше всех на этом настаивал механик – по всей видимости, существующий диалог с подчинённым

его никак не устраивал. Односельчане, приезжающие в город по разным своим делам, навещали Василия и приносили деревенские гостинцы, поэтому молоко, масло, сметана, сало и самодельная колбаса в общем холодильнике были всегда. Василий угощал всю палату, и с большой охотой самостоятельно кормил «тяжёлых». Валентин заметил, что зачастую люди, живущие в деревенской глубинке в пьянке и непосильной работе, на самом же деле как дети – искренние и жизнерадостные, как только перестают пить. Их окружение мотивирует их быть такими, какие они есть на самом деле.

На соседней с Валентином койке лежал милиционер. В свой очередной отпуск он приехал в село, погостить у матери. Мать по поводу приезда сына накрыла стол, позвала, как это водится, родню и соседей. В самый разгар застолья, скорее всего, из-за замыкания ветхой электропроводки, загорелась наружная стена дома. Милиционер выскочил на улицу, достал из своей машины плоскогубцы и полез на электрический столб, чтобы перекусить провода, идущие в дом. Но в пылу нечаянно задел провод и получил удар электрическим током, упал со столба и сломал позвоночник. По своей природе это был вздорный, скандальный человек и требовал со стороны врачей, медсестёр и санитарок постоянного к себе внимания. А если что-то его не устраивало, сразу же грозился пожаловаться в вышестоящие инстанции. Спокойным и даже в некоторой степени ласковым он становился только во время визитов своей жены. И тогда в его голосе появлялись воркующие нотки. И как-то, только что попрощавшись с супругой и всё ещё продолжая находится в благостном расположении духа, он рассказал Валентину историю своей женитьбы.

Около года назад, возвращаясь домой на машине поздно вечером, он подвез молодую симпатичную женщину. Одета женщина была скромно, но со вкусом, на деликатное предложение провести вместе вечер ответила отказом. Прошла неделя. Отдыхая после работы вместе с сослуживцами на малолюдном пляже, он вдруг услышал со стороны реки женский крик о помощи и, не раздумывая, бросился в реку, опередив друзей. Спасенная им женщина оказалась той самой прекрасной незнакомкой, которую он подвозил, и которая ему так понравилась. Они оба посчитали это указующим перстом судьбы и, после нескольких встреч, он переехал из своего милицейского общежития к ней в однокомнатную квартиру. Милиционер любил жену и боялся, что та его бросит. Она приходила всё реже и реже и, наконец, совсем перестала появляться в палате. Объединенные несчастьем люди становились доверчивыми и открытыми друг к другу. Это было большое больничное братство. Потом Валентину будет очень не хватать этих людей. Но теперь он стал к этому привыкать, и его жизнь поделилась на две части: одна – до травмы, вторая – после...

* * *

Его забрали из рабочего общежития, где он с друзьями отмечал свой день рождения. В дежурной части милиции было две камеры, а перед ними небольшое пространство, отгороженное решёткой – так называемый «обезьянник». Часто подъезжали милицейские машины. Людей привозили и закрывали сначала в «обезьянник», и уже потом дежурный рассматривал, кто с чем поступил; и, в соответствии с его решением, одних закрывали в камеры, других отпускали, а пьяных отвозили в вытрезвитель. Валентин сел на скамью и закрыл глаза. В дежурной части работала рация, и специфический звуковой диапазон, на котором она вещает, перенёс его из тесного «обезьянника» в студёный Кольский залив, на ночную вахту в рубку траулера. В рубке включена рация и слышно, как портовая служба переговаривается с вахтенными помощниками капитанов пароходов, стоящих на рейде. Через стекло рубки он смотрит на глубокое, звёздное полярное небо, которое от края до края озаряется всполохами северного сияния. Слышится тихое, характерное для этого явления потрескивание, становится всё холоднее. Словно издали услышал, как кто-то окликнул его по фамилии, затем ещё раз. Очнув-

шись от дремы, вместо рубки траулера он увидел «обезьянник» и милицейского сержанта, стоящего в проёме открытой двери, и уже в который раз окликающего его по фамилии.

Валентина определили в камеру – небольшое помещение с деревянными лавками по краям. В нос ударил спёртый, настоянный на запахах перегара, пота и табачного дыма воздух. Перед тем, как закрыть в камеру, спички и сигареты отбирали и снимали даже носки, чтобы проверить: нет ли там недозволённых вещей. Но те, чья большая часть сознательной жизни прошла в заключении, конечно же знали, как пронести через этот пустяковый для них барьер всё, что им нужно. Зарешёчен-ная, покрытая пылью лампочка тускло освещала плотно забитую людьми камеру. Тем, кому не хватило места на лавках, сидели или лежали на бетонном полу. Валентин заметил Виктора, – знакомого парня по прозвищу Котёл, довольно свободно расположившегося в углу лавки и дремавшего, привалившись затылком к стене. Валентин пробрался к нему и похлопал по плечу. Тот открыл глаза, пробурчал что-то похожее на приветствие, подвинулся и снова засопел. Валентин втиснулся на лавочку рядом с ним, прислонился к стене и попытался заснуть. На душе было пусто, одиноко и тоскливо, а ещё было очень душно. Так душно, что по стенам, выкрашенным масляной краской, стекала вода. Под утро забылся тяжёлым сном. Просыпаться было ещё труднее, чем заснуть. Голова гудела не столько от выпитого вечером, сколько от воздуха тесной, непрветриваемой камеры.

* * *

Утром, часов в девять, в коридоре прямо напротив камеры поставили столик. За него, с царственным видом вершителя человеческих судеб, сел уже немолодой, грузный, с большими залысинами и гладко зачесанными назад лоснящимися жирными волосами милиционер в чине майора. Он достал из папки чей-то протокол задержания, прочел его и зачитал фамилию вслух. Сержант открыл камеру и громко повторил фамилию, – небольшого роста юркий паренёк вышел и предстал перед столиком. Майор, не стесняя себя одной только литературной лексикой, выразил своё субъективное мнение в отношении совершенного им поступка (парнишка разбил бутылкой, предварительно осушив её, окно своей ненаглядной, коя отвергла его пылкие чувства), и с чувством выполненной им воспитательной работы, определив тому административный штраф, отпустил.

Людей, в эту ночь нашедших пристанище в сей тесной обители, либо отпускали, наложив административный штраф, соответственный их злодеянию, либо, если дело было серьёзное, отправляли обратно в камеру, а дело передавали следователю. Майор, оторвавшись на парнишке и выпустив пары своего скверного с утра настроения, обусловленного, вероятно, семейными передрыгами, безденежьем и частичным несварением желудка, к остальным был уже более доброжелателен. В камеру вернули Котла и ещё какого-то здоровенного рыжего парня. Валентина вызвали последним. Майор, уже довольно утомлённый, вялым голосом сказал, что дела на него пока никакого нет, а арестован он по подозрению в преступлении тяжкого характера. И что в течение трёх суток он может находиться здесь по подозрению – за это время его должны либо выпустить, либо доказать причастность к криминалу. Потом добавил: «Скорее всего, докажут». С этим майоровым напутствием Валентин отправился обратно в камеру. Котёл сидел на прежнем месте в прежней позе, Рыжего увезли в следственный изолятор. Котла забрали из-за нарушения режима надзора. Отмотав свой последний срок, он получил ещё год надзора. А это означало, что раз в неделю он должен был являться на отметку в местное отделение милиции, вести себя законопослушно и после десяти вечера находиться дома. После трёх случаев нарушения режима поднадзорных отправляли обратно в зону, сроком на один год. Котла взяли на бану, то есть на вокзале, где он с друзьями пропивал в железнодорожном ресторане выигранные в карты деньги. Это было третье нарушение, и ему грозил срок, но он не очень-то переживал. Говорят, что садиться страшно только в первый раз. Котла вызвали

ещё раз и почему-то отпустили. Валентин остался один в камере. Он лёг на скамейку, заложил руки за голову и попытался заснуть. Лампочка постепенно стала терять свои очертания, превращаясь в бесформенное жёлтое пятно и, наконец, исчезла. Сколько спал – он не знал; проснулся оттого, что услышал, как в замке провернулся ключ, и дверь открылась с каким-то особенно зловещим железным лязгом. Его вызвали по фамилии, хотя в камере кроме него больше никого не было. Конвойный милиционер коротко бросил: «На допрос».

* * *

В небольшой комнате с зарешеченным окном за столом сидело два человека. Один – примерно такого же возраста, что и Валентин. Второй – человек лет сорока, маленького роста, с худым морщинистым лицом. И, хотя в комнате было довольно тепло, одет он был в длинный кожаный плащ. По всей видимости, это был единственный внешний признак, который свидетельствовал о его принадлежности к сыску.

– Садись, – пригласил молодой и показал на стул напротив себя. Валентин хотел отодвинуть стул, чтобы удобнее было сесть, но стул оказался наглухо привинчен к полу. Валентин сел. Молодой кивнул конвойному милиционеру в знак того, что тот может идти. Валентину показалось, что вместе с шагами конвойного его покинула и уверенность, осталась лишь гулкая, отдающаяся внутри пустота.

– Ну, молодой человек, рассказывайте нам всё по порядку: кто вы есть и за что вас арестовали, – велел Худой, закуривая папиросу.

Валентин ответил, что кто он есть – у них написано, а за что его арестовали, так об этом он и сам хотел бы у них узнать. Его ответ не произвёл на оперов никакой видимой реакции. Это был дежурный вопрос, на который они получили стандартный, уже много раз слышанный ими, ответ. Допрос ещё только раскручивался.

* * *

В палате, недалеко от него, кто-то странно захрипел. Валентин крикнул, зашла медсестра и включила свет. Парень лет тридцати, которого привезли вечером с переломом позвоночника, уже не хрипел, а только судорожно дёргался. Вызвали дежурного врача. Парню делали искусственное дыхание, кололи лекарства, но всё было напрасно. Его тело натужилось, словно пыталось собрать все силы и удержать в себе жизнь, а затем вдруг обмякло.

Лицо осунулось и стало белеть. Валентин отвернулся, он не любил смотреть на мёртвых, потому что терялась вера в выздоровление. Рядом со смертью покидала надежда. Надежда на то, что он когда-то встанет, вернётся на свою работу, сможет радоваться вместе с Лизой тому, что он здоров, что они вместе и счастливы, как и прежде. И, если бы не эта надежда, то не имело смысла вообще держаться за эту жизнь, не имело смысла возвращаться от бессознательности к сознанию, из забытья к бытию, не имело смысла страстно желать проснуться утром, а не захрипеть ночью и быть вывезенным из палаты на каталке, накрытым простынёй с расплывчатым казённым штампом... Вновь родившаяся надежда давала силы, и страшные пролежни затягивались так быстро, что даже медицинские сёстры, много лет проработавшие в нейрохирургии, не могли припомнить подобного случая. И, хотя чувствительность и тонус мышц оставались на прежнем уровне, он стал развивать те мышцы, которых травма не коснулась. Валентин очень запустил себя за период грёз и фантазий. Начать пришлось с двух банок сгущённого молока. Ему притягивали их к ладоням бинтом, и он часами монотонно поднимал и опускал эти импровизированные гантели. Через неделю на смену банкам пришли лёгкие гантели. И спустя месяц он мог не только лежать на спине, но и самостоятельно переворачиваться с одного

бока на другой – а это уже была серьёзная победа. Он снова научился смеяться и вновь видел себя в своём будущем в радужных красках.

* * *

Лиза уехала на несколько дней домой. Массаж делала не как обычно Лидия Васильевна, женщина уже пенсионного возраста, а Лариса, миловидная девушка с округлым, чуть в веснушках, лицом. Общительная и словоохотливая, она сразу же располагала к себе; причем её словоохотливость воспринималась не как навязчивая болтливость, а как гармоничное дополнением к ней самой: дружелюбной, веселой и энергичной. За время, что она делала массаж, Лариса успела рассказать о себе многое. Даже то, как когда-то упала с мотоцикла и расцарапала себе лицо, а потом страшно боялась, что её разлюбит парень, за которого она собиралась замуж. Царапины у неё зажили, парня того она разлюбила сама и замуж за него не пошла. Лариса считала себя старушкой и думала, что жизнь прошла мимо. Ей было девятнадцать лет. Обычно после массажа Лариса садилась на стул у кровати Валентина, и они ещё некоторое время разговаривали. Ей нравились его рассказы про море, траулер, и она заразительно смеялась, когда он травил морские байки и всякие смешные истории из жизни команды на промысле. Курс массажа уже заканчивался. В последний день, не замечая времени, они проговорили особенно долго и, когда по всем нормам приличия ей было уже пора уходить, она вдруг подвинула стул к кровати так близко, что её лицо оказалось совсем рядом. Валентин почувствовал запах косметики, близко увидел её серые большие глаза в обрамлении длинных загибающиеся вверх ресниц. Лариса тихо спросила:

– Валентин, а где Лиза?

– Уехала в краткосрочный отпуск, – пошутил он.

– А она не боится, что здесь в тебя кто-нибудь влюбится?

– Кто может влюбиться в?... – И Валентин замолчал, не досказав «в калеку», дабы не стяжать в отношении себя нечто, вроде «да ты что, Валентин!? Раве это главное!?!».

Но девушка внимательно посмотрела на него и тихо сказала:

– Я.

Валентин хорошо понимал, что их отношения давно перешли черту просто дружеских, и не раз ловил себя на том, что уже ждет её. А когда Лариса уходила, укорял себя за легкомыслие. И успокаивался лишь тем, что эти отношения как неожиданно возникли, так внезапно и прекратятся. Он также понимал, что за этими её словами нет будущего, и сказаны они в порыве девичьей чувственности, не более. Но положение, в котором он оказался, было глупейшим, и как достойно выйти из него, не обидев при этом девушку, он не знал.

– Лариса, ты мне тоже очень нравишься... И... я буду всегда помнить тебя... – после минутного молчания, наконец выдавил он.

Она встала, взяла с тумбочки кусочек чистого бинта, вытерла выступившие слёзы, затем взглянула на него.

– Я тоже.

И быстрым шагом вышла из палаты.

Валентин чувствовал, что виноват перед ней. Имея определённый жизненный опыт, он мог бы легко обойти эту ситуацию. Впоследствии он научится жить с внутренним чувством полноценности. И его уже не будут волновать или угнетать жалостливые взгляды прохожих на улице и чувство неловкости у людей, которые по той или иной причине оказались рядом с его инвалидной коляской. Но сейчас он как никогда нуждался в каком-то утверждении, хотя бы в малой толике признания себя как полноценного человека. И после слов Ларисы Валентин уже не чувствовал себя убогим калекой, хотя с его стороны, конечно, всё это было довольно некрасиво, – сродни подлости, словно он подспудно использовал её в этом, ранив при этом её

чувства. Через неделю Лариса перевелась в другую больницу, куда её уже давно приглашали. На прощание она подарила ему небольшую куклу – забавную девочку в матроске и открытку с видом южного морского порта. Он и правда запомнил эту девушку на всю жизнь...

* * *

Вечером в палату зашёл лечащий врач, спросил о самочувствии, измерил давление и сказал, что наутро ему назначена операция. Валентин знал, что операция такого сложного перелома, как у него, улучшений обычно не приносит. И никто из врачей не давал гарантии, что после операции его состояние будет лучшим, чем до неё. Но он всё-таки настоял на ней, дабы впоследствии не сожалеть, что не использовал все шансы, которые предоставляла ему жизнь. На следующее утро его на каталке отвезли в операционную и положили на операционный стол. Хирург и его ассистенты были одеты в халаты и шапочки серого цвета, – вероятно, из какой-то особой антимикробной ткани. Валентину же представлялось, что хирург и вся его свита должны были быть во всём ослепительно белом. Медсестра поставила капельницу и вскоре, проколов иглой шприца её гибкий шланг, ввела лекарство. Последнее что он запомнил, это был её взгляд, наблюдающий за ним поверх повязки, внимательный и немного настороженный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.